

Ю. Ю. Погудина

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В ПРОЦЕССЕ УРБАНИЗАЦИИ КИТАЯ ПОСЛЕ 1978 года

Еще до начала реформ в 1978 г. Китай пережил несколько миграционных волн. В начале 1950-х годов миллионы крестьян переселялись в города в поисках работы на новых государственных предприятиях. Поначалу промышленность действительно испытывала необходимость в дополнительных рабочих руках, но после возникновения массовой безработицы в середине 50-х правительство Китая ввело жесткую систему регистрации — *хукоу*¹ (户口). Система *хукоу* ограничивала мобильность большинства китайцев, оставляя их в деревне на протяжении последующих десятилетий. Распределение питания и других ресурсов было привязано непосредственно к месту регистрации. Однако миграция на этом не закончилась. Голод периода «большого скачка» (1958–1961) вызвал новый этап миграции.

Первой крупной миграционной волной после начала реформ были «возвращенцы». В 1960-х и 1970-х годах миллионы молодых людей были отправлены в деревню в период «культурной революции» «учиться у крестьян». Партия хотела взять под контроль социальный подъем периода «культурной революции» и заодно снизить уровень безработицы в городах. После 1978 г. многие из этих мигрантов боролись за возвращение в города [1, с. 43].

В начале 1980-х годов в результате ряда социологических и экономических факторов сельское население снова начало массово переселяться в города. Одним из следствий повышения продуктивности сельского хозяйства стало появление избыточной рабочей силы в сельской местности. Между тем появление «специальных экономических зон» и расширение государственных предприятий требовали привлечения дешевой рабочей силы. Когда в конце 1980-х и особенно в начале 1990-х годов увеличились государственные инвестиции во многие проекты в области инфраструктуры и городского строительства, а иностранные инвесторы принялись вкладывать деньги в китайские промышленные предприятия, миллионы китайцев (в основном молодежь) покинули деревню, чтобы найти работу в городах [2, с. 17].

В то же время они тянулись к атмосфере городской жизни, к «обществу потребления», которое пришло в Китай вместе с реформами. Однако и по сей день «новые

Погудина Юлия Юрьевна — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: yuliapogudina@yandex.ru

¹ Прописка — *хукоу* — в Китае в том или ином виде существовала с момента основания династии Цинь (221 до н.э. — 206 до н.э.). Современная система *хукоу* была установлена после образования КНР в 1949 г. Основной смысл *хукоу* — четкое разделение жителей на горожан и крестьян. Обладатели городской прописки до недавних пор получали значительно больше социальных благ (образование, пенсии, здравоохранение и т.п.), чем обладатели сельской прописки. До 1990-х годов житель Китая с сельской *хукоу* не имел законного права работать в городе — в любой момент такого нелегального рабочего могли депортировать по месту прописки. В середине 1990-х, в период бурного экономического роста, эта система начала ослабевать — обладателям сельской *хукоу* было разрешено покупать временное разрешение на проживание в городе, стоимость которого год от года снижалась. После вступления Китая в ВТО Пекин принял на себя обязательство постепенно избавиться от социально несправедливого института *хукоу*.

рабочие» не стали полноценными, юридически оформленными горожанами. Тому, кто хочет отправиться из деревни в город, сегодня необходимо подать заявление на временную работу и получить разрешение на проживание. Это разрешение обычно дается на один год. Такие рабочие-мигранты называются *нунгун* (农工), «крестьяне — рабочие». Они не имеют прав и возможностей, которыми наделены владельцы постоянной городской прописки [3, с. 35].

В 1990-х годах значительно возрос масштаб внутренних миграций в КНР. Стоит отметить, что в 1980-х годах большая часть миграционных процессов происходила в пределах одного уезда, округа или провинции, а начиная с 1990-х годов миграция стала носить трансрегиональный характер: сельское население стало мигрировать из одной провинции в другую, преимущественно в приморские районы.

Среди мигрантов большая часть населения не меняла свою регистрацию. По данным 5-й Всекитайской переписи населения в 2000 г. общая численность населения, оставившего свое местожительство, но сохранившего регистрацию по прежнему месту жительства, составила 144,39 млн человек (или 10,8% общей численности населения). Из них 70,6% мигрантов совершали перемещение в пределах уезда, городских районов или внутри провинции; 42,4 млн человек совершали миграцию за пределы своей провинции. Провинция Гуандун стала лидером по общей численности миграции — 25 млн человек, из которых 15 млн человек прибыли из других провинций. Однако по удельному весу мигрантов в общей численности населения первые два места занимают города центрального подчинения — Пекин с долей мигрантов 34,1% численности населения и Шанхай с 32,8% мигрантов [4, с. 3–9].

По данным выборочного обследования ГСУ КНР, в 2004 г. общая численность работающих в городах сельских жителей составила 118 млн человек, из которых 84,5% были в возрасте от 16 до 40 лет. Больше половины из них — 57,69% — были заняты в промышленности и капитальном строительстве и около 40% — в отраслях сферы услуг. Таким образом, преобладающей тенденцией миграционных потоков в КНР с 1990-х годов была миграция из деревни в город.

Наибольший приток мигрантов идет в экономически развитые районы Китая, где расположено большое количество предприятий государственного и частного секторов, где сосредоточена большая часть иностранных инвестиций. Согласно данным 5-й Всекитайской переписи населения 2000 г., наиболее высокие показатели притока мигрантов характерны для городов центрального подчинения: Пекина, Шанхая, Тяньцзиня и приморских провинций Ляонин, Гуандун, Чжецзян, Фуцзянь Цзянсу, где мигрантам из других провинций легче найти работу [5, р. 9–10].

В настоящее время в Китае имеются три зоны миграционного притяжения, где большое количество рабочих мест и уровень доходов заметно выше, чем в среднем по стране. На севере — это зона вокруг городов центрального подчинения Пекина и Тяньцзиня, на востоке — это город Шанхай, дельта реки Янцзы в провинции Цзянсу и северная часть провинции Чжэцзян, на юге — дельта реки Чжуцзян в провинции Гуандун.

В начале XXI в. на рынке рабочей силы КНР произошли заметные изменения, связанные с усиливающейся нехваткой рабочей силы в приморских и западных районах страны. В восточных районах страны стало наблюдаться заметное старение населения и низкая рождаемость, что обусловлено проводившейся с начала 1970-х годов демографической политикой, в основе которой был курс на однодетную семью. В итоге все это

затронуло экономически развитые приморские районы и города центрального подчинения, в которых заметно выросла доля пожилых людей — до 12% от общей численности населения трудоспособного возраста [6, с. 129]. В конце 1990-х годов туда стал направляться большой объем как внутренних, так и иностранных инвестиций, в результате создавались новые рабочие места, которые уже не могли быть заняты только местными жителями, и для работы на предприятиях стала привлекаться рабочая сила из внутренних провинций. В конце 2005 г. в пяти приморских провинциях — Гуандун, Чжэцзян, Фуцзянь, Цзянсу и Шаньдун и в Шанхае — оставались вакантными около 21 млн рабочих мест [7, с. 178–179].

В западных районах до начала реализации программы по их развитию наблюдался низкий уровень социально-экономического роста, преобладали в основном предприятия госсектора, количество вакантных мест было невелико. Однако после принятия программы в 1999 г. в западные районы стали направляться иностранные инвестиции на развитие инфраструктуры и строительство крупных объектов, таких как газопровод Запад-Восток, железная дорога Голмуд-Лхаса, гидроэлектростанция Санься и др. Поскольку численность населения западных районов относительно невелика, туда стала привлекаться рабочая сила как из центральных, так и восточных районов на определенный срок — от 6 месяцев до 2 лет. Таким образом, в настоящее время единственным источником пополнения рабочей силы в приморских и западных районах остаются центральные районы Китая, в которых по-прежнему количество вакантных рабочих мест меньше, чем зарегистрированных безработных [8, с. 205].

В данной статье хочется обратиться к опыту Чунцинского треугольника. Если урбанизация в прибрежных районах Китая является просто дальнейшим использованием объективных географических преимуществ (выхода к морю), то Чунцинский треугольник в последние годы стал экспериментальной площадкой для программ развития внутренних районов Китая. «Чунцинская модель» обязана своим появлением нескольким факторам. Чунцин постоянно находится в политическом поле зрения — он, так же, как Пекин, Шанхай и Тяньцзинь, является единым муниципальным образованием, напрямую подчиняющимся центральным властям. Географически это один большой город (собственно Чунцин), несколько городов поменьше и сотни относительно маленьких городков, разбросанных на территории, по площади примерно равной Австрии. В девяти центральных районах Чунцина проживают 7 млн жителей, но за городской границей, которая постепенно размывается, живут еще около 20 млн человек.

К 2020 г. власти хотят увеличить зарегистрированное население города Чунцин до 20 млн жителей, само возникновение подобных намерений — недавнее следствие прямой урбанизации. В течение последних 50 лет Пекин стремился сдерживать урбанизацию, опасаясь, что города не справятся с наплывом новых мигрантов. В процессе экономического развития страны власти поняли, что переориентация сельских жителей с натурального хозяйства на работу в городе, приносящую большую добавленную стоимость, будет экономически оправданной стратегией. Чунцин первым из китайских городов стал реформировать и ослаблять систему прописки — *хукоу*. Сельские мигранты в Чунцине получают те же социальные блага (качественное медицинское обслуживание, образование и более высокие пенсии), что и горожане. Чунцинский план урбанизации, который в случае успеха будет использован и в других китайских городах, предполагает две фазы: в 2010–2011 годах 3 млн сельских мигрантов, которые уже фактически поселились в урбанизированных зонах, должны были получить городскую прописку

вместо сельской. В эти 3 млн входят 2,3 млн рабочих, переехавших в города вместе с семьями, и около 700 000 студентов. Вторая фаза задуманной властями урбанизации еще более революционна: планируется убедить 7 млн сельских жителей в границах «Большого Чунцина» отказаться от своих земельных участков в пользу новой жизни в городе. Для смягчения этого перехода в новое качество сельским мигрантам в течение трех лет сохранят право собственности на землю [9, с. 58]. Революционность новой модели, осуществление которой проводится на опыте Чунцина, трудно переоценить. Именно сохранение системы прописки — *хукоу* — и прав на сельскую землю поддерживает маятник сельско-городской миграции, функционирующий в Китае уже не один десяток лет. Внутренняя миграция в Китае по численности потоков населения вполне сопоставима с международной. Количество внутренних трудовых мигрантов в Китае оценивается в 140 млн человек [10]. Мигранты с сельской пропиской часто дискриминируются в городах, где у них фактически отсутствуют права на социальное обеспечение, образование, пенсии, которыми пользуются обладатели городской прописки. Но, несмотря на эти трудности, более высокий городской заработок удерживает мигрантов на новом месте. Тем не менее каждый год около половины из них — 70 млн — возвращаются на январь и февраль домой в бедные внутренние провинции страны для встречи китайского Нового года, а весной снова отправляются на заработки в города [11].

Земельные участки на селе остаются для трудовых мигрантов своего рода страховкой на случай неблагоприятной конъюнктуры. Ведь эти крестьяне, хоть и работают в городах, горожанами не являются. Так, в кризисном 2009 г. «весенняя волна» сезонных мигрантов из сельских районов оказалась не такой мощной, как обычно: многие рабочие не вернулись в города, реагируя на ухудшившиеся в связи с кризисом перспективы трудоустройства. По данным китайской статистики, в 2009 г. из 70 млн трудовых мигрантов, уехавших на новогодние праздники домой, 14 млн весной уже не вернулись в города. А из 56 млн вернувшихся только 45 млн удалось снова найти работу.

Именно поэтому далеко не все мигранты желают расстаться с сельской пропиской и своими земельными участками. Чрезмерно высокие темпы урбанизации могут привести к ситуации, когда новые горожане не смогут найти работу и будут вынуждены существовать за счет госсубсидий. Частично лишение сельской прописки уже идет насильственными методами: студенты, например, не могут закончить чунцинские университеты, не получив городской *хукоу*. Оценивая программу урбанизации Чунцина, экономисты Всемирного Банка отмечают следующее: «Хотя цели реформы системы *хукоу* достаточно радикальны, сам процесс реформирования должен быть постепенным. Запускать его без учета потенциальных политических и социальных рисков — политически опасное действие» [12].

Однако реформы нужны. Пропасть между доходами сельского и городского населения становится все более ощутимой: если в 2000 г. заработок горожанина был на 4000 юаней выше, чем у сельского жителя, то спустя 10 лет разница достигла уже 13000 юаней [13, р. 110–112]. Новая политика правительства направлена на то, чтобы уменьшить этот разрыв не посредством повышения благосостояния села, а переселением фермеров с их земель в города. Сокращение числа крестьян — экономически оправданная стратегия, так как на селе наблюдается переизбыток трудовых ресурсов. Вокруг Чунцина размер средней фермы составляет всего треть гектара, включая земли, неформально переданные сельским жителям их родственниками, постоянно работающими в городе. Однако насильственная урбанизация путем лишения крестьян их зем-

ли — не лучшее решение проблемы неэффективного распределения сельских трудовых резервов. Именно поэтому чунцинским властям стоит не форсировать правильный, но потенциально болезненный процесс реформ.

Урбанизация и переселение сельского населения в города не только модернизирует условия ведения сельского хозяйства, но и даст городам дополнительные территории, доступные для застройки. Пекин до сих пор соблюдает довольно жесткую систему квотирования земли под городскую застройку, сохраняя тем самым сельхозугодия. Города могут получить земли под застройку только двумя способами — либо снося старые здания и фабрики, либо договариваясь о переводе находящейся в коллективной собственности сельской земли в категорию городских земель, находящихся в госсобственности. Так как количество старых зданий под снос не так уж велико, городским властям приходится задействовать в процессе так называемые земельные свопы²: живущие вблизи городов крестьяне получают городское жилье взамен своих угодий, все постройки на селе сносятся, при этом эффективный размер сельхозугодий увеличивается. В Чунцине и Ченду пытаются усовершенствовать эту систему: селяне, живущие далеко от города, оставляя свои дома, получают взамен «земельные кредиты» (地票 *дицяо*), которые торгуются на чунцинской земельной бирже. *Дицяо* приобретаются бизнесменами, так как дают им право построить участок на окраине города, соответствующий по размерам высвобожденным под эти кредиты сельхозугодьям. Проблема, однако, в том, что сельские жители не слишком грамотны в области финансов.

В случае успеха чунцинской модели она станет образцом для урбанизации остального Китая. Однако, по данным гонконгской аналитической компании ГейвКал (GaveKal), только первый этап расселения 3 млн фермеров в Чунцине будет стоить около 300 млрд юаней — это сумма, в несколько раз превышающая доходы городского бюджета. В Чунцине правительство Китая пытается взять под контроль до сих пор во многом хаотичный процесс бурной урбанизации последних лет — реформировать систему *хукоу* и отладить механизм переселения крестьян в города, одновременно реформируя и условия ведения сельского хозяйства. От успеха или неуспеха их реализации, скорее всего, и будет зависеть, появится ли в Китае прогнозируемый Международным Институтом МакКинси (McKinsey Global Institute) к 2030 г. миллиард горожан или нет [14].

Серьезные структурные изменения экономики Китая привели к появлению крупнейшего за всю историю миграционного потока в мирное время. Численность мигрантов из сельской местности, ищущих работу в городских центрах страны, возросла с 2 млн человек в середине 1980-х годов до 140 млн в наши дни. Такая масса мигрантов, без сомнения, оказывает значительное влияние не только на экономику и политику Китая, но и на соседние страны, что делает проблему трудовой миграции одной из ключевых и сложнейших проблем, с которыми сегодня сталкивается Китай.

Внутренняя трудовая миграция внесла значительный вклад в рост экономики Китая, обеспечив 16% роста ВВП КНР за последние 20 лет [15, р. 28]. Рассмотрение

² Своп — вид финансовых сделок, при которых покупатель (продавец) валюты, ценных бумаг, земли в момент ее покупки (продажи) берет на себя обязательство через какое-то время продать (купить) эту валюту, ценные бумаги, землю. Сделки такого рода удобны для банков в смысле поддержания ликвидности их баланса. Операции сопровождаются уплатой процентов, и каждая из сторон стремится удовлетворить свой коммерческий интерес, договариваясь об уровне процентных ставок за период пользования валютой, золотом или другим объектом сделок.

вопросов, связанных с внутренней миграцией, позволяет выявить отраслевые и географические диспропорции в экономическом развитии страны. Миграция является фактором, способствующим промышленному развитию Китая, решению проблем бедности и реализации стратегии развития сельских районов.

Как и в других странах, в которых дешевая рабочая сила является сравнительным конкурентным преимуществом, в Китае зачастую стирается граница между использованием рабочей силы и ее эксплуатацией. Десятки миллионов трудовых мигрантов из сельской местности стали инструментом для ускорения урбанизации и промышленного развития страны, оставаясь при этом второсортными гражданами, не имеющими прав, социальной защиты и доступа к системе социального обеспечения. Хотя положение мигрантов в Китае много лет игнорировалось, сейчас улучшение условий их жизни и труда оказалось в центре внимания китайского руководства. Сталкиваясь со все большим количеством сложных социальных, экономических, экологических и иных проблем, правительство КНР отдало приоритет «сбалансированному» и «гармоничному» развитию китайского общества с особым акцентом на проблемы и потребности отдельного человека. Это означает, что в ближайшие годы одной из центральных проблем для правительства КНР будет проблема смягчения негативных социально-экономических последствий масштабной миграции населения.

Литература

1. Bai Nansheng, Song Hongyuan. Huixiang haishi jincheng? Zhongguo nongcun waichu laodongli huiliu yanjiu. [Вернуться в деревню или уехать в город? Исследование миграции из села в город и обратно в Китае]. Beijing: Zhongguo Caizheng Jingji Chubanshe, 2002. 178 с.
2. Баженова Е. С. Китай в демографическом измерении. М., 1992. 143 с.
3. Островский А. В. Формирование рынка рабочей силы в КНР. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2003. 455 с.
4. Чжунго 2000 нянь жэнькоу пуча цзыляо [Материалы переписи населения Китая 2000 года]. Пекин, 2002. Т. 1. 750 с.
5. China Population Today. Vol. 18, N 5. Oct. 2001. P. 9–10.
6. Цзинь Юэцзюнь. Дунбэй цюйюй лаодунли цзыюань цзици гунсян моши яньцзю. [Исследование трудовых ресурсов региона Северо-Восточной Азии и модели их использования]. Материалы 9-й Международной конференции «Мир и развитие в СВА». Чанчунь, 2000. С. 129–130.
7. Чжунго туьнци няньцзянь — 2007 [Статистический ежегодник Китая — 2007]. Пекин, 2007. 724 с.
8. Баженова Е. С. 1 300 000 000. Население Китая: стратегия развития и демографическая политика. М.: ИД «Форум», 2010. 304 с.
9. Li Gaochan, Lu Kelong. Zhongguo xinxing chengshihua daolu. [Новый путь урбанизации в Китае]. Beijing, 2011. 183 с.
10. Zhongguo tongji nianjian 1996–2008 [Статистические ежегодники КНР 1996–2008] // Guojia tongjiju wang. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsjs/> (дата обращения: 16.11.2012).
11. Li Haifeng. Zhengque chuli qiaowu gongzuo de ruogan gaunxi. Guowuyuan qiaowu bangongshi zhuren [Определенные моменты, касающиеся правильного руководства работы с хуацяо. Глава Канцелярии Госсовета по делам хуацяо] // Qishu lilun wang. URL: <http://www.qsjournal.com.cn> (дата обращения: 15.11.2012).
12. Nong Zhu. Migration to cities can equalize household income in rural China // World Bank web. URL: <http://blogs.worldbank.org/developmenttalk/migration-to-cities-can-equalize-household-income-in-rural-china> (дата обращения: 15.11.2012).
13. Population Challenges and Development Goals. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. ST/ESA/SER. A/248. United Nations. New York, 2005. 120 p.
14. Woetzel J., Mendonca L., Devan J. Preparing for China's urban billion // Mckinsey Global Institute. 2009. URL: http://www.mckinsey.com/mgi/publications/china_urban_billion/ (дата обращения: 12.11.2012).
15. Song Yan, Chengri Ding. Urbanization in China: Critical Issues in an Era of Rapid Growth. Cambridge, 2007. 320 p.

Статья поступила в редакцию 10 января 2013 г.